

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПРАВЕ

Венин Владислав Витальевич

студент 3 курса

Кузьмина Мария Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется правовая природа принципа добросовестности в предпринимательском праве и обосновывается тезис о том, что отсутствие его легального определения в Гражданском кодексе Российской Федерации объективно превращает данную категорию в оценочное понятие. Автором проводится анализ позиций отечественных цивилистов относительно возможности конкретизации содержания добросовестности, а также рассматривается судебная практика Верховного Суда Российской Федерации и арбитражных судов, направленная на преодоление правовой неопределённости. В качестве результата исследования формулируется вывод о необходимости сочетания законодательной фиксации «негативных» критериев недобросовестности с дальнейшим совершенствованием единообразных подходов правоприменения для обеспечения баланса между гибкостью и юридической определённости в предпринимательском обороте.

Ключевые слова: добросовестность, предпринимательское право, оценочная категория, принцип добросовестности, предпринимательская деятельность.

GOOD FAITH IN BUSINESS LAW

Venin Vladislav Vitalievich

3th year student

Kuzmina Maria Viacheslavovna

PHD in Law, Associate Professor of the Department of Business and Labor Law,
Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MSAL), Orenburg
Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the legal nature of the principle of good faith in business law and substantiates the thesis that the absence of its statutory definition in the Civil Code of the Russian Federation objectively turns this category into an evaluative concept. The author analyzes the positions of domestic civil law scholars regarding the possibility of specifying the content of good faith, as well

as considers the case law of the Supreme Court of the Russian Federation and the arbitrazh courts aimed at overcoming legal uncertainty. As a result of the study, a conclusion is formulated on the need to combine the legislative enshrinement of «negative» criteria of bad faith with the further improvement of uniform approaches to law enforcement in order to ensure a balance between flexibility and legal certainty in business turnover.

Keywords: good faith, business law, evaluative category, principle of good faith, entrepreneurial activity.

Современное российское предпринимательское право базируется на ряде фундаментальных начал, среди которых принцип добросовестности занимает особое место. Впервые обязанность участников гражданского оборота действовать добросовестно была закреплена на уровне кодифицированного акта Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ, внесшим соответствующие изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации. В настоящее время положения о добросовестности содержатся в п. 3 и 4 ст. 1, п. 3 ст. 6, п. 5 ст. 10, п. 3 ст. 307 ГК РФ¹, а также в ряде отраслевых законов, регулирующих предпринимательскую деятельность.

Законодатель так и не дал легального определения понятию «добросовестность», ограничившись лишь зафиксированным статусом этого принципа как фундаментальной основы гражданского права. Указанный пробел порождает сложную правовую коллизию: из-за отсутствия чётких критериев добросовестность превращается в оценочную категорию, смысл которой формируется не законом, а субъективным мнением конкретного правоприменителя. Как справедливо отмечает М.Г. Кислицына, «самая главная проблема – отсутствие легального определения этого термина, несмотря на упоминание его уже в первых статьях ГК РФ (ст. 1, ст. 6 и т.д.). В связи с этим у добросовестности нет чётких критериев и точно не ясна её роль в регулировании гражданско-правовых отношений»².

В предпринимательском праве эта проблема обретает особенно острый характер. Предпринимательская активность сопряжена с высоким уровнем рисков, динамичностью оборота и острой потребностью в юридической определённости. Субъекты гражданского оборота — ИП и коммерческие структуры — нуждаются в чётком понимании границ дозволенного поведения, однако отсутствие законодательно утверждённых параметров добросовестности лишает их такой возможности. В итоге категория добросовестности

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ № 302-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

² Кислицына, М. Г. Добросовестность в гражданском праве / М. Г. Кислицына // Международный студенческий научный вестник. - 2017. - №5. - С.12

функционирует одновременно как принцип, презумпция, предел реализации гражданских прав и оценочное понятие, что создаёт существенные препятствия для её практической реализации.

Оценочный характер добросовестности означает, что судья в каждой конкретной ситуации самостоятельно решает, соответствует ли поведение участника предпринимательского права критериям добросовестности, опираясь на внутреннее убеждение и устоявшиеся в обществе представления о разумности и порядочности. Неопределённость термина допускает его толкование в широких пределах — от формального соблюдения закона до требований высочайшей моральной ответственности, что в условиях рынка угрожает стабильности гражданского оборота.

Следует подчеркнуть, что в п. 5 ст. 10 ГК РФ закреплена презумпция добросовестности: «добросовестность, разумность и справедливость действий участников гражданских правоотношений предполагаются»³. Формально это означает, что бремя доказывания недобросовестности лежит на контрагенте, оспаривающем добросовестность поведения другой стороны. Однако на практике суды нередко отходят от данной презумпции, подменяя объективные критерии оценки субъективными суждениями о «моральной порядочности» участника спора, что фактически сводит на нет защитную функцию презумпции.

Таким образом, суть правовой проблемы заключается в следующем: отсутствие легального определения добросовестности делает невозможным формирование единообразной правоприменительной практики, повышает риски судебного произвола и снижает степень защищённости субъектов предпринимательского права. Неопределённость категории позволяет трактовать её в широком диапазоне – от формального соблюдения закона до требований высокой моральной ответственности, что в условиях рыночной экономики создаёт угрозу для стабильности гражданского оборота.

В научной среде принцип добросовестности в предпринимательском праве анализируется с различных ракурсов, что подтверждает сложность и многогранность данного института.

В.В. Витрянский, анализируя реформу гражданского законодательства, отмечает, что «введение понятия добросовестности расширяет усмотрение суда, что может привести к судебному произволу»⁴. При этом учёный признаёт, что эффективное регулирование гражданских правоотношений в современных условиях невозможно без таких оценочных категорий, однако подчёркивает необходимость выработки судебной практики, способной минимизировать риски произвольного толкования.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ № 302-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁴ Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства : промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 2019. – 399 с.

Иная позиция представлена в работах А.В. Егорова, который считает, что «нормы о добросовестности позволяют судам уточнять и совершенствовать право в соответствии с современными нуждами», а суд имеет «последнее слово о добросовестных или недобросовестных действиях сторон»⁵.

Вопрос о возможности легального закрепления критериев добросовестности остаётся дискуссионным. Э.А. Нуртдинова, опираясь на позицию В.В. Витрянского, указывает, что «ни в гражданском кодексе, ни в каком-либо федеральном законе определить чёткие подходы и параметры к таким понятиям, как «добросовестность», «справедливость», «разумность» невозможно»⁶.

Вместе с тем ряд учёных выступают за необходимость хотя бы частичной конкретизации содержания добросовестности. П.С. Могилевский предлагает при доказывании добросовестности в корпоративных правоотношениях (которые составляют значительную часть предпринимательского права) исходить из совокупности критериев: наличия субъективного права или обязанности на совершение действия, отсутствия умысла на причинение вреда, отсутствия противоправной цели в поведении участника⁷. Н.В. Шереметьева определяет добросовестность как «моральное качество, по которому можно определить такое отношение лица к своему поведению, в котором отражаются действия лица, обусловленные нравственным самоконтролем»⁸.

К.В. Нам в монографии «Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики» проводит комплексный анализ эволюции данной категории и приходит к выводу о необходимости системного подхода к её применению в различных институтах гражданского права⁹. Автор подчёркивает, что добросовестность не может сводиться исключительно к формальному соблюдению закона, но должна включать требование учёта интересов контрагента и разумности поведения.

В итоге в юридической доктрине сформировались два ключевых подхода: критический, указывающий на риски расширения судейского усмотрения и непредсказуемости решений при отсутствии законодательных критериев; и функциональный, рассматривающий добросовестность как необходимый инструмент гибкого регулирования, требующий лишь

⁵ Егоров, А. В. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон / А. В. Егоров, Р. С. Бевзенко // О договорах : сборник статей к юбилею В. В. Витрянского / сост. С. В. Сарбаш. – Москва : Статут, 2017. – С. 84–126.

⁶ Нуртдинова, Э. А. К вопросу о понятии добросовестности в российском гражданском праве / Э. А. Нуртдинова // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 9 (23). – С. 19.

⁷ Могилевский П.С. Принцип добросовестности в гражданском праве Российской Федерации / П.С. Могилевский // Гражданское право. - 2023. - № 6. - С. 6–8.

⁸ Шереметьева, Н. В. Недобросовестность в вещном праве : монография / Н. В. Шереметьева. – Москва : Проспект, 2023. – 136 с.

⁹ Нам К.В. Принцип добросовестности : развитие, система, проблемы теории и практики / К. В. Нам. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : М-Логос, 2023. – 388 с.

выработки единых подходов в судебной практике. Оба направления сходятся во мнении, что неопределённость границ добросовестности в сфере предпринимательства вызывает серьёзные проблемы в правоприменительной практике.

Судебная практика, особенно практика Верховного Суда Российской Федерации и арбитражных судов, играет ключевую роль в конкретизации содержания добросовестности в предпринимательском праве. Именно суды вынуждены восполнять законодательный пробел, формируя критерии оценки поведения участников гражданского оборота.

Важнейшим источником правовых позиций является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ», в котором дано следующее разъяснение: «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации»¹⁰. Данная формулировка, с одной стороны, создаёт ориентир для правоприменителей, с другой – сохраняет высокую степень оценочности, поскольку понятие «ожидаемого поведения» само требует интерпретации.

В Обзоре практики Верховного Суда Российской Федерации № 4, опубликованном в 2025 году, содержатся показательные примеры применения принципа добросовестности в предпринимательских спорах. Так, в Определении № 306-ЭС24-21253 Экономическая коллегия ВС РФ рассмотрела дело об оспаривании решения о увеличении уставного капитала акционерного общества, инициированного мажоритарным акционером. Суды трёх инстанций отказали миноритария, сославшись на формальное соблюдение процедуры корпоративного решения. Однако Верховный Суд РФ отменил судебные акты, указав, что «корпоративные права нельзя использовать исключительно во вред другим участникам». Если компания прибыльна и не нуждается в инвестициях, то увеличение уставного капитала, ведущее к размытию доли миноритария с 21,28 % до 0,008 %, является злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ). Суд обязал нижестоящие инстанции проверять не только процедуру, но и экономическую целесообразность решений мажоритариев, введя критерий «экономической необходимости» как мерило добросовестности¹¹.

Данное решение демонстрирует важную тенденцию: Верховный Суд РФ отходит от формального подхода к оценке предпринимательских сделок и переходит к анализу их

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. - № 8.

¹¹ Верховный Суд РФ опубликовал общий обзор практики № 4: главное для бизнеса // BBNP Law - 2025. - URL: <https://bbnplaw.ru/analytics/384-verhovnyj-sud-rf-opublikoval-obshchij-obzor-praktiki-4-glavnoe-dlja-biznesa.html> (дата обращения: 30.04.2026)

экономической сущности и реальных целей. Это создаёт новые стандарты добросовестного поведения для мажоритарных акционеров, одновременно повышая требования к аргументации судебных решений.

Добросовестность в предпринимательском праве на современном этапе представляет собой принцип, обладающий высокой регулятивной потенцией, но нуждающийся в дальнейшей конкретизации. Необходимость сохранения гибкости правового регулирования не должна служить основанием для отказа от попыток хотя бы частичного легального закрепления критериев добросовестного поведения в предпринимательском обороте. Перспективным представляется развитие подхода, сочетающего законодательную фиксацию «негативных» критериев недобросовестности (злоупотребление правом, отсутствие разумной доверительности, нарушение экономической целесообразности) с дальнейшим совершенствованием судебной практики, направленной на формирование единообразных подходов к оценке поведения субъектов предпринимательского права. Достижение баланса между гибкостью и определённой в применении принципа добросовестности является необходимым условием повышения инвестиционной привлекательности и стабильности гражданского оборота.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства : промежуточные итоги / В. В. Витрянский. — Москва : Статут, 2019. — 399 с.
3. Егоров, А. В. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон / А. В. Егоров, Р. С. Бевзенко // О договорах : сборник статей к юбилею В. В. Витрянского / сост. С. В. Сарбаш. — Москва : Статут, 2017. — С. 84–126.
4. Кислицына, М. Г. Добросовестность в гражданском праве / М. Г. Кислицына // Международный студенческий научный вестник. - 2017. - №5. - С.12
5. Могилевский П.С. Принцип добросовестности в гражданском праве Российской Федерации / П.С. Могилевский // Гражданское право. - 2023. - № 6. - С. 6–8.
6. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К. В. Нам. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : М-Логос, 2023. — 388 с.
7. Нуртдинова, Э. А. К вопросу о понятии добросовестности в российском гражданском праве / Э. А. Нуртдинова // Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 9 (23). — С. 19.
8. Шереметьева, Н. В. Недобросовестность в вещном праве : монография / Н. В. Шереметьева. — Москва : Проспект, 2023. — 136 с.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. - № 8.
10. Верховный Суд РФ опубликовал общий обзор практики № 4: главное для бизнеса // BBNP Law - 2025. - URL: <https://bbnplaw.ru/analytics/384-verhovnyj-sud-rf-opublikoval-obschij-obzor-praktiki-4-glavnoe-dlja-biznesa.html>